

Список литературы

1. **Клюева В. П.** Взаимоотношения православной церкви и сибирских татар в XVIII в. (к постановке проблемы) // Вестник Международного центра азиатских исследований. Иркутск, 2002. № 10. С. 46-53.
2. **Мавлютова Г. Ш.** Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – нач. XX века). Тюмень, 2001. 178 с.
3. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 1. № 1.
4. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 2. № 1117.
5. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 4. № 1946.
6. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 5. № 2863.
7. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 8. № 5333.
8. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 11. № 8978.
9. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 12. № 9446.
10. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 13. № 10597.
11. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 18. № 13336.
12. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 19. № 13996.
13. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 20. № 14313.
14. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1. Т. 22. № 16711.
15. **Полное собрание русских летописей.** М.: Наука, 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. 255 с.

**LEGISLATIVE REGULATION OF LIFE ACTIVITY OF THE MUSLIMS
OF WESTERN SIBERIA IN THE XVII-XVIII CENTURIES**

Mavlyutova Gul'nara Shakirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tyumen State University
gmavlyutova@mail.ru

On the basis of legislative acts the article considers the position of the Russian state in relation to the Muslims of Western Siberia in the XVII-XVIII centuries. In the XVII century the government carried out the policy of liberal attitude towards religion among the Western Siberian Tatars and Bukharans. The energetic activity on the Christianization of the Muslims with the use of a non-violent form began in the first quarter of the XVIII century. The activity of the Muslims was limited by legal acts, which testifies for the various statuses of Orthodoxy and Islam in Western Siberia.

Key words and phrases: Western Siberia; the Muslims; the Tatars; the Bukharans; Islam; mosque; Christianization.

УДК 94(470.54)«1945/1953»:343.973

Исторические науки и археология

В статье представлены результаты исследования экономической преступности в пределах отдельно взятого региона – Свердловской области. На основе архивных данных приведена развернутая картина криминогенности послевоенной советской экономики. Проанализированы причины, закономерности и динамика этого сложного социального явления. Делаются выводы о прямой связи преступности с уровнем жизни населения и товарным дефицитом, о бесперспективности борьбы с данным феноменом в условиях мобилизационной модели экономики и необходимости приоритета экономических методов воздействия на него.

Ключевые слова и фразы: война; товарный дефицит; карточная система; хищения; денежная реформа; злоупотребления.

Мамяченков Владимир Николаевич, д.и.н., доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
tamyachenkov@mail.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946-1948 ГГ.)[©]**

Опыт послевоенного восстановления экономики и борьбы с экономической преступностью – тема вечно актуальная, особенно в современных российских условиях, после трех драматичных десятилетий реализации радикальных экономических реформ. Любая война, помимо приносимых ею разрушений и гибели большого количества людей, неизбежно оставляет после себя еще и такое «наследство» как повышенный уровень уголовной и экономической преступности. Происходит это в силу ряда социально-экономических причин, основными из которых являются обостренный товарный дефицит и всеобщее ужесточение нравов населения. Поэтому первые послевоенные годы являются сложным периодом истории даже для развитого государства с относительно высоким уровнем жизни населения. Тем более этот период был тяжелым для Советского Союза, в том числе и для его глубинных регионов, таких как Свердловская область (часто в обиходе именуемая Средним Уралом).

При написании данной статьи были использованы, прежде всего, материалы Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) – в прошлом областного партийного архива, – относящиеся к первым послевоенным годам. Эти материалы хранятся в ЦДООСО в фонде № 4 (фонд бывшего областного комитета КПСС) в виде различных отчетов, справок и других материалов когда-то высшего партийного органа Среднего Урала. Помимо этого, нами были использованы и материалы архива Управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области (АУФСБСО). Наконец, в исследовании были задействованы научные работы авторов из других регионов страны и зарубежных исследователей, посвященные похожей тематике, справочные материалы, а также воспоминания современников.

Первые послевоенные годы не принесли быстрого облегчения гражданам СССР за исключением, пожалуй, одного момента – в их дома перестали приходить похорожки на погибших в войне. В то же время жесткий товарный дефицит сохранялся, а сложившийся вследствие этого низкий уровень потребления всех видов товаров и общего уровня жизни отзывался высоким уровнем преступности – и экономической, и общеуголовной.

Причинами значительного роста послевоенного криминала, помимо упомянутого нами товарного дефицита, были, как можно судить по научной литературе, следующие:

- массовое и трудно контролируемое передвижение эвакуированных, демобилизованных, репатриантов и т.д. В совокупности с несовершенством методов работы и низким уровнем материально-технической базы органов прокуратуры и милиции это значительно усложняло розыск преступников при их постоянных перемещениях;

- амнистия некоторых категорий заключенных по отдельным уголовным статьям в связи с победой в Великой Отечественной войне (притом, что значительная часть осужденных по уголовным статьям были склонны к рецидивам);

- наличие у населения большого количества огнестрельного оружия, оставшегося со времен войны;

- неурожай 1946-1947 гг. и вызванный этим голод в большинстве регионов СССР. Снижение валового сбора урожая на Среднем Урале было не столь серьезным, как в целом по СССР, но это мало повлияло на ситуацию с экономической преступностью;

- плохо организованные учет и подбор материально-ответственных лиц в распределительно-торговой сфере, неупорядоченная материальная ответственность, мизерная зарплата работников;

- чрезмерно раздутый административно-управленческий аппарат, что провоцировало большое количество хищений самими начальствующими лицами: партийными функционерами, госслужащими, сотрудниками правоохранительных органов;

- резкое увеличение численности инвалидов и ограниченно работоспособных граждан (в массе своей – вследствие фронтовых ранений), не получавших достойного вспомоществования от государства. К ним добавились многие тысячи бывших солдат и офицеров, формально не получивших инвалидность и оказавшихся безработными (а иногда – и бездомными), без средств к существованию [2; 5; 11].

Что касается экономической преступности, то она проявляла себя, прежде всего, в распределительно-торговой сфере страны: в 1946 г., по сравнению с 1945, количество хищений здесь увеличилось на 16, а случаев спекуляции – более чем на 40%. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем: в стране только за первый квартал 1947 г. за спекуляцию было осуждено почти 18 тыс. человек, пресечена деятельность почти 3 тыс. преступных групп, осуществлявших незаконные спекулятивные сделки. При этом в ходе обысков было изъято почти 20 млн руб. наличными и несколько килограммов золотых изделий, а также 325 тонн продуктов и примерно на 15 млн руб. промтоваров [11].

Реакцией государства на рост экономической и уголовной преступности стало ужесточение уголовного и административного законодательства: летом 1947 г. были изданы сразу два Указа Президиума Верховного Совета СССР, согласно которым ужесточались меры наказания за хищение общественного и личного имущества, причем в отдельных случаях – до 25 лет лишения свободы. Произошло и резкое увеличение числа осуждений: с 1947 по 1952 г. за эти преступления было осуждено более 2,2 млн человек. Контингент таких заключенных к весне 1953 г. составлял половину численности всех осужденных в стране: 1,2 из 2,5 млн человек. При этом значительную часть жестоко наказанных составляли женщины и подростки, которые из-за скудной и голодной жизни решились на кражу небольшого количества продуктов. Так, только в июне-июле 1947 г. и только в Москве было осуждено более 400 подростков, многие из которых были отправлены в лагеря на 5-7 лет лишения свободы за незначительные преступления, как то: кража 600 граммов хлеба, одной пары детских ботинок или небольшой суммы денег. Именно такие факты привел в своей монографии известный зарубежный исследователь современной российской истории Н. Верт [3, с. 375].

Другой не менее популярный зарубежный автор – Джон Стейнбек – в исследуемые нами послевоенные годы стал широко известен своим продолжительным путешествием по Советскому Союзу. В своей книге он описывает жизнь советских людей в послевоенном СССР в 1947 году [12]. Нетрудно догадаться, что ему давали наблюдать только «потемкинские деревни» (о чем писатель, видимо, догадывался), но, тем не менее, его книга заслуживает большого внимания. Стейнбек, вполне лояльно относившийся к СССР, старался быть просто сторонним наблюдателем и во всем найти положительный аспект. Но и у него можно встретить, например, упоминание о двух женщинах, осужденных «на 10 лет исправительных работ за кражу трех фунтов (*менее 1,5 кг* – В. М.) картофеля» [Там же, с. 32].

Именно за подобных несчастных просили в своем коллективном письме рабочие и работницы знаменитого Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ), расположенного в Свердловске. Письмо, приуроченное к 70-летию Сталина и адресованное К. Е. Ворошилову, отражало мнение большинства простых граждан относительно причин, толкавших людей порой на совершение преступлений. В нем утверждалось,

что «...сама жизнь заставляла делать преступления», что «...люди вынуждены были... воровать», а также констатировалось, что большинство осужденных (в значительной части – молодого возраста) лишены свободы за мелкие кражи [3, с. 380-381].

Конечно, из вышесказанного не следует, что воровали только обездоленные, и речь далеко не всегда шла о куске хлеба или 2-х килограммах мороженой картошки. Нередко преступниками оказывались не так уж плохо обеспеченные люди и причастные, как правило, к распределению товаров. Вот, например, какая картина вырисовалась в первые послевоенные годы на Среднем Урале. В сентябре 1946 г. с целью «проверки работы аппарата карточной системы» в городах и районах Свердловской области были созданы сразу 83 комиссии, в состав которых было привлечено 4 500 человек. В ходе их работы было установлено, что «...в городских и районных карточных бюро, как правило, нарушается порядок, установленный по уничтожению возвращенных неиспользованных или частично использованных хлебных и продуктовых карточек». В переводе на общедоступный язык это означает, что воровали, как правило, во всех так называемых карточных бюро. Поэтому только в Свердловске по актам проверок пришлось освободить от занимаемых должностей сразу 24 работника этих структур [15, д. 224, л. 1-2, 61].

Впрочем, это помогло мало: в следующем, 1947 году только за 4 месяца в карточных бюро области было похищено 8 280 карточек и талонов, в том числе в Нижнем Тагиле – 300, в Сысерти – 75, в Верхней Пышме – 51. В Асбесте только по ОРСу треста «Союзасбест» было выявлено 89 человек, которые путем различных манипуляций с хлебными карточками нанесли государству ущерб на сумму 181 316 руб. А в Реже контролеры местного контрольно-учетного бюро Боярских и Шмакова вступили в преступную связь с заведующими магазинами Зориной, Рукавишниковой, Холманской и Яковлевой. Члены данной преступной группы присваивали подлежащие уничтожению талоны хлебных и продовольственных карточек и повторно отоваривали их через магазины, а вырученные деньги делили между собой [16, д. 171, л. 87].

Но наиболее вопиющий случай, вскрытый в ходе данной кампании, произошел в Ленинском районе областного центра, где заведующая районным карточным бюро некая Курбатова растратила 2 826 продуктовых карточек на 10 170 кг хлеба, 802 кг мяса, 219 кг жиров, 539 кг крупы и 183 кг сахара. Карточки не только воровали, но и подделывали: например, артист Госфилармонии Сергеев таким путем нанес государству ущерб в 15 000 руб. [15, д. 171, л. 62].

Конечно, незаконным отовариванием продуктовых карточек дело не ограничивалось: в только что пережившей тяжелейшую войну стране дефицитом был буквально любой товар, от спичек до мебели включительно. Неудивительно, что уже в победном, 1945 году рост хищений произошел практически во всех звеньях торгово-распределительной системы Свердловской области. Даже в небольшом Ирбитском торге сумма таких «растрат» за год возросла почти вдвое – с 63 до 110 тыс. руб. В следующем – 1946 году – сумма растрат и хищений только по Невьянскому механическому заводу составила 35 783 руб. Всего же за 1946 год и первый квартал 1947 только в торгующих организациях Свердловской области было разворовано более 120 тонн хлеба, 21 тонна круп, 27 тонн мясорыбных продуктов, 4 тонны жиров, 9 тонн сахара и много других продуктов [Там же, д. 148, л. 13].

Наверное, рекорд в этой сфере поставила заведующая магазином из Алапаевска некто Макарова: эта преступница похитила 1 085 кг хлеба, 183 кг мяса, 133 кг крупы, 93 кг сахара, 67 кг жиров и другие продукты на общую сумму более 64 000 руб. [Там же, д. 171, л. 85].

Очень значительным был уровень хищений на железнодорожном транспорте: грузы, нередко перевозимые без должной охраны, были лакомой добычей для преступников всех мастей. По Свердловской области только за первое полугодие 1947 г. было раскрыто и арестовано 130 преступных групп в составе 502 человек, систематически похищавших грузы из вагонов [Там же, д. 148, л. 128]. На станции Шувакиш в 1949 г. была выявлена группа воров во главе с самим начальником станции Евдокимовым, успевшая нанести ущерб в 145 тыс. руб. [18, д. 205, л. 9-10]. Название этой станции в 1970-1980-е годы прогремело на всю страну – речь идет о знаменитом официально разрешенном вещевом рынке, называемом в народе «барахолкой». Причину того, что власти терпели это (достаточно, кстати, уродливое) проявление рынка, озвучил сам Б. Н. Ельцин, бывший в ту пору первым секретарем Свердловского обкома КПСС: «Он (*рынок* – В. М.) позволяет нам держать спекуляцию под контролем».

Воровали и в других отраслях: в том же 1949 г. была разоблачена группа расхитителей на Свердловском заводе № 170 (завод обработки цветных металлов) в количестве 12 человек. Им вменялось в вину хищение платины, золота и серебра на сумму 154 986 руб., только золота было украдено более килограмма [Там же, л. 3]. И такие примеры можно множить и множить.

Анализируя эффективность законодательно-административных мер, предпринятых советским государством для обуздания разгула экономической преступности в распределительно-торговой сфере, можно констатировать, что они оказались, в конечном счете, малоэффективными и способствующими разве что стабилизации ее на определенном уровне. Избыточно-карательные санкции, затрагивающие большей частью наиболее обездоленные категории населения, производили, конечно, устрашающий эффект на и без того запуганное репрессиями общество, но в долгосрочном плане они же прямо способствовали его разложению и деградации.

Глубинные причины экономического криминала, как это убедительно показывает мировая практика, можно постепенно ликвидировать только по мере повышения жизненного уровня граждан, так как атмосфера тотального товарного дефицита служит своеобразным «вечным двигателем», генерирующим экономическую и уголовную преступность. Лучшим же способом ликвидации дефицита, как опять же свидетельствует мировая экономическая история, является развитый рынок. Но советское государство, руководствуясь парадигмой планово-распределительной и при этом полностью огосударственной экономики, подавляло малейшие проявления рыночных отношений даже на уровне «колхозного» рынка. Поэтому послевоенное восстановление

народного хозяйства страны чрезмерно затянулось (чему, кстати, способствовал и отказ Советского Союза от участия в широко известном плане Маршалла).

Такое бессмысленное и пагубное подавление рынка отмечали многие современники. Например, военный инженер (впоследствии ставший генерал-лейтенантом) В. И. Манойлин, служивший в 1950-х годах на Дальнем Востоке, в своих воспоминаниях сетует на то, что купить продукты питания в гарнизонном магазине «было делом непростым» и что за ними военнослужащие и их жены специально ездили во Владивосток, где их ждали «почти пустые прилавки продовольственных магазинов». В то же время В. И. Манойлин лично наблюдал, как милиционер изгонял с рынка крестьянина-колхозника, продававшего картошку по цене выше «официально установленной» администрацией города. В результате картошка и лук продавались по рыночным ценам на прилегающих к рынку улицах [8, с. 112-113].

Что касается финансово-кредитной сферы, то здесь размах криминала был несравненно меньшим уже хотя бы по причине слабой развитости этой сферы в планово-распределительной экономике СССР. Но и здесь был отмечен всплеск преступности благодаря знаменательному событию – денежной реформе, проведенной в СССР в декабре 1947 г. Упомянутая реформа получила название «конфискационная», так как в результате ее проведения население страны потеряло значительную часть своих денежных сбережений. Интереснейшие перипетии этого события на Среднем Урале подробно рассмотрены нами в одной из статей, опубликованной в 2008 году [7].

Основным моментом реформы был принудительный обмен старых денег на новые в соотношении 10:1 (с некоторыми исключениями) при неизменном масштабе цен. Таким образом, наличные сбережения граждан обесценивались в десятикратно, причем это касалось даже привилегированных слоев населения. Например, легендарная советская разведчица З. И. Воскресенская вспоминала, как ее личные хранившиеся дома сбережения в сумме 70 тыс. руб. превратились в 7 тыс. [19, с. 375].

Разработчики реформы, конечно, понимали такие ее неприятные последствия для населения. Именно об этом свидетельствует тот факт, что в постановлении есть строки, констатирующие неизбежность жертв со стороны населения и одновременно торжественно заверяющие: «Это будет последняя жертва» [6, с. 163]. В итоге реформы платежеспособный спрос населения был резко ограничен. Советское правительство хотело удивить мир очередным достижением – отменой карточной системы снабжения менее чем через три года после войны. Но такая спешка именно в этом вопросе была, в общем-то, и не нужна – ведь даже развитые страны Европы сохранили нормированное распределение продуктов питания до начала 1950-х годов. Например, Франция отменила карточки в 1952-м, а Великобритания – только в 1954 г. [10, с. 327].

Сохранить в абсолютной тайне сроки проведения обмена денег не удалось – они стали известны сначала жителям Москвы и Ленинграда, а затем и многим жителям крупных городов страны. Теперь мы знаем, по крайней мере, одну из причин такой осведомленности: уже за 10 дней до начала «мероприятия» (4 декабря) первые секретари горкомов и райкомов партии по всего СССР получили совершенно секретную телеграмму. В ней содержалось сообщение о предстоящем обмене денежных знаков, а также предупреждение о личной ответственности руководителей за подготовку пунктов обмена. Это когда-то секретное сообщение под № 1009 СС находится ныне в рассекреченных фондах ЦДООС [16, д. 166, л. 110].

Но соблазн использовать инсайдерскую, как говорят теперь, информацию оказался велик. Свердловские архивы сохранили информацию о недобросовестных чиновниках самого разного уровня, решивших для спасения лично им принадлежавших средств использовать свой административный ресурс. Свердловский обком ВКП(б) в связи с этим сообщал в ЦК партии, что среди лиц, нарушивших постановление партии и правительства, имеются и коммунисты, «...которые свои личные интересы поставили выше интересов государства» и тем самым «стали на путь преступления» [Там же, л. 12].

Только в Свердловске среди преступивших закон партийных и советских работников оказались и первые секретари райкомов, и заведующие отделами, и другие партийные чиновники. К слову говоря, по неполным данным, только по 40 республикам, краям и областям Советского Союза в нарушении закона были уличены 145 только секретарей райкомов и горкомов партии [9, с. 97]. Нашлись нечистые на руку и среди работников советских органов, причем первым из них был, к глубокому сожалению, председатель Свердловского горсовета Жихарев (по сегодняшнему – мэр города). В этом его «поддержали» два руководителя районных Советов и другие советские чиновники.

Среди преступников оказались и отдельные руководители местных структур МВД и МГБ, органов юстиции, крупные финансисты и целый ряд довольно крупных хозяйственных руководителей. Но и в низшем эшелоне руководителей, как свидетельствуют архивные документы, нашлось немало нарушителей закона: таковыми, например, оказались начальник железнодорожной станции Крутиха некто Самочернов, председатель верхотурского сельпо Абросова и ее подчиненный продавец Лапин, директор камышловского пристанционного ресторана Лопатин вместе со своим заместителем Калугиным, кассир нижнетагильской билетной кассы Корягина, работники Коркинского сельпо Туринского района Бабайлов, Тишков, Туголуков и другие. Последние трое осуществили типичную аферу: взяли в своей торговой точке 66 литров водки, а оплатили «покупку» задним числом и «старыми» деньгами [17, д. 240, л. 12-16, 18, 66-69, 76].

Показательно в этом плане дело председателя свердловского горисполкома В. И. Жихарева. В 1930-х гг. он сделал быструю карьеру на уже упомянутом нами Уральском заводе тяжелого машиностроения, пройдя достойный путь от рядовых должностей до одного из руководителей этого предприятия, – стал заместителем директора по коммерции. В этой должности он хорошо зарекомендовал себя в годы Великой Отечественной войны, обеспечивая в труднейших условиях военного времени важнейший оборонный завод страны всем необходимым.

Его вклад в деятельность предприятия в эти годы был отмечен несколькими орденами (в том числе высшим – орденом Ленина) и медалями. Но и он не удержался от соблазна сохранить свои средства от обесценения.

Надо сказать, что Свердловский горком ВКП(б), рассматривая его персональное дело 18 февраля 1948 г., учел и былые заслуги главы города, и то, что он еще недолго находился на этом посту, и его раскаяние в содеянном. В результате за свою финансовую аферу Жихарев отделался тем, что ему было указано «на его недостойное поведение как председателя горсовета». Но урок не пошел впрок, а, возможно, уже слишком много было сделано непоправимого. И 29 апреля того же года горком снова рассматривал персональное дело председателя горисполкома – теперь уже из-за обнаруженных приписок в отчетности. В результате Жихарев лишился своего поста «как не оправдавший доверия» [13].

После подведения итогов реформы, на 20 января 1948 г. в Свердловской области было выявлено около 2,6 млн руб. незаконно «отмытых» денег. Естественно, к нарушителям были применены различные меры наказания, от дисциплинарных до уголовных: кто-то был исключен из партии, кто-то уволен с работы, а кто-то пошел под суд. Всего до февраля 1948 г. в области к уголовной ответственности было привлечено 105 одних только руководителей различного ранга, из них кандидатов и членов ВКП(б) – 25. В числе этих обладателей партийных билетов оказались 8 руководителей-хозяйственников, 6 работников финансовых органов, 5 работников торговли, 2 партийных и 2 советских функционера, 1 профсоюзный и 1 прокурорско-судебный работник [16, д. 166, л. 12, 15].

Нелишне будет отметить, что всего по стране за преступления, связанные с проведением денежной реформы, было привлечено к уголовной ответственности без малого 20 тыс. человек, в том числе более 4 тыс. – членов и кандидатов в члены ВКП(б). У них было изъято денег и ценностей, а также продовольственных и промышленных товаров на общую сумму более 60 млн руб. Всего в порядке возвращения ущерба уличенными преступниками было возвращено государству свыше 160 млн руб. (при итоговой сумме обменных денег физических лиц в 6 млрд руб. – тоже в новом исчислении). Интересно также, что большую часть всех привлеченных к ответственности составили опять-таки работники торговли: 10 784 человек (55% от общего числа). Банковские же служащие, как им и положено, оказались гораздо более дисциплинированными: их было привлечено 3 475 человек (18%), в том числе 2 572 работника сберкасс и 903 работника отделений Госбанка [4].

Подводя итоги, следует сказать, что, вне всяких сомнений, всплеск послевоенной экономической преступности явился неизбежным следствием низкого уровня жизни большинства населения страны. Конечно, многое можно было оправдать послевоенным экономическим кризисом и «враждебным капиталистическим окружением» (что власти довольно небезуспешно постоянно и делали), но советские люди видели, что товарный дефицит прочно стал хроническим явлением национальной экономики. В связи с этим трудно не согласиться с известной исследовательницей советской повседневности Шейлой Фицпатрик, написавшей об экономике СССР следующие строки: «...Какие бы рациональные объяснения ни давались дефициту, игнорировать его было невозможно. Он уже стал центральным фактом экономической и повседневной жизни» [14, с. 54]. И это было действительно так – ведь нередко дефицитным товаром была обычная питьевая вода. В подтверждение данных слов можно сослаться на материалы архива УФСБ по Свердловской области, в которых на протяжении долгих лет фиксировались сигналы о крайнем неблагополучии в обеспечении второго по величине города области – Нижнего Тагила – питьевой водой. Из них следует, что, например, в военные и первые послевоенные годы жители этого города пили неочищенную воду прямо из загрязненного городского пруда [1, д. 156].

Надо также еще раз подчеркнуть, что с наибольшей силой экономический криминал проявил себя в распределительно-торговой сфере. Причина тому была проста: в условиях господства командно-административной системы управления обществом деньги как всеобщий эквивалент утрачивали свои функции и не играли той роли в повседневной жизни, которая им присуща в здоровой рыночной экономике. Ровно по той же причине советскому экономическому криминалу просто негде было «развернуться» в финансово-кредитной сфере. Своеобразным исключением здесь стала конфискационная денежная реформа 1947 года, когда для значительного числа осведомленных заранее граждан вдруг появилась соблазнительная возможность незаконным путем не только избежать серьезных финансовых потерь, но и обогатиться.

Оценивая усилия советского государства по обузданию экономической преступности, надо отметить: для воздействия на криминал в рамках административной системы управления у него оставался набор методов в основном административного или даже волонтаристского характера. Эти методы, будучи относительно приемлемыми в военный период, в условиях мирного времени уже не встречали понимания у населения и могли принести лишь ограниченный стабилизационно-косметический эффект. В совокупности с отрицанием рыночных мер воздействия на экономику это способствовало консервации сложившегося мобилизационного типа советской экономики и даже создавало почву для ее стагнации.

Только смерть И. Сталина в 1953 году, приход к власти новых политических сил и начавшийся процесс фрагментарной демократизации советского общества смогли еще на десятилетие с небольшим обеспечить стране ускорение темпов социально-экономического развития.

Список литературы

1. **Архив управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области (АУФСБСО).** Ф. 1. Оп. 2.
2. **Богданов С. В.** «Теневая» грань советской повседневности первых послевоенных лет: власть, общество, уголовная преступность // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 7-15.
3. **Верт Н.** Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 448 с.

4. **Денежная реформа 1947 года: реакция населения по документам из «Особых папок» Сталина** [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/1947dengi3.php (дата обращения: 19.09.2015).
5. **Зима В. Ф.** Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. М.: Изд-во ИРИ РАН, 1996. 265 с.
6. **КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1986)** / под общ. ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова: в 15-ти т. Изд-е 9-е, доп. и испр. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1983-1990. Т. 8. 542 с.
7. **Мамяченков В. Н.** Денежная реформа декабря 1947 г. в Свердловской области: малоизвестные страницы // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2008. Вып. 9. С. 175-179.
8. **Манойлин В. И.** Базирование Военно-морского флота СССР. СПб.: Нева, 2004. 320 с.
9. **Пихоя Р. Г.** Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945-1985. М.: Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007. 720 с.
10. **Полная хронология XX века.** М.: Вече; АСТ, 1999. 816 с.
11. **Сизов С.** Преступность в Омске в первые послевоенные годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2013/12/18/763> (дата обращения: 15.09.2015).
12. **Стейнбек Дж.** Русский дневник. М.: Мысль, 1989. 148 с.
13. **Степанова Г. И.** Василий Иванович Жихарев, председатель исполкома горсовета депутатов трудящихся 1947-1948 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://book.ugaic.ru/elib/glavy_goroda/preds_gorsoveta/zhigarev.pdf (дата обращения: 15.09.2015).
14. **Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд-е. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.
15. **Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).** Ф. 4. Оп. 41.
16. **ЦДООСО.** Ф. 4. Оп. 43.
17. **ЦДООСО.** Ф. 4. Оп. 44.
18. **ЦДООСО.** Ф. 4. Оп. 45.
19. **Шарапов Э.** Тайна Зои Воскресенской. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. 448 с.

ECONOMIC CRIME IN THE MIDDLE URAL REGION IN THE FIRST POST-WAR YEARS (1946-1948)

Mamyachenkov Vladimir Nikolaevich, Doctor in History, Associate Professor
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
mamyachenkov@mail.ru

The article presents the results of investigating economic crime within a specific area – Sverdlovsk region. On the basis of archival data the paper presents a detailed picture of the criminogenicity of post-war Soviet economy. The author analyzes the causes, regularities and dynamics of this complicated social phenomenon and concludes on the immediate connection of criminality with the living standards of the population and product shortage. The researcher believes that it's useless to fight against this phenomenon under the mobilization model of economy and argues for the priority of economic methods to influence it.

Key words and phrases: war; product shortage; rationing system; thefts; currency reform; abuses.

УДК 316.421

Социологические науки

В статье представлен теоретико-социологический анализ понятия «депрофессионализация», с которым часто идентифицируют кризис профессии как социального института. Авторы выявляют основные факторы депрофессионализации в эпоху постмодерна с точки зрения социологии, а также предпринимают попытку проследить зависимость депрофессионализации и деальтруизации поведения профессионалов в современном обществе. Подробно рассмотрены такие составляющие депрофессионализации как кризис профессиональной этики, снижение мотивации к альтруистическим действиям, кризис идентичности профессионалов, изменение мотивов профессиональной деятельности и возрастание авторитета экспертных сообществ.

Ключевые слова и фразы: профессия; депрофессионализация; деальтруизация; этика; идентичность.

Мартьянова Наталья Александровна, к. соц. н., доцент
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
nmart@bk.ru

Рубцова Мария Владимировна, д. соц. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
abc33@yandex.ru

ДЕПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ[©]

Цель данной статьи — концептуализировать понятие «депрофессионализация» и выявить факторы, влияющие на данный феномен. Задачами авторов являются: